

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-274-282

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лариса Владимировна Шевченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
larishilton89@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4473-1978, AuthorID РИНЦ: 1140131*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе информационно-технологических условий формирования гражданской субъектности в российском обществе.

Методологической основой исследования выступают положения теории информационного общества (Д. Белл, Е. Масуда), деятельностный подход к субъектности человека (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), концепция политической субъектности (И. Г. Яковенко).

Результаты исследования. Смещение коммуникации в виртуальное пространство трансформировало социальную активность людей, которая в основном стала осуществляться в Интернет-сообществах, формирующихся на основе тематических интересов и функциональной направленности (правозащитные, экологические, волонтерские и т. п.). Данные сообщества позволяют выразить свою гражданскую позицию, дать оценку политической или иной ситуации, объединиться для достижения общих целей. Новые информационные технологии существенно изменили формат и содержание общественно-политической коммуникации в обществе.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования условий развития гражданской субъектности в современном российском обществе.

Ключевые слова: гражданская субъектность, информационное общество, информационный человек, гражданская культура, виртуальная коммуникация, политические традиции, десакрализация власти

Для цитирования: Шевченко Л. В. Развитие гражданской субъектности в условиях информационного общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 274–282. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-274-282>.

Original article

DEVELOPMENT OF CIVIL SUBJECTNESS IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Larisa V. Shevchenko

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
larishilton89@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4473-1978, AuthorID RSCI: 1140131*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the information technology conditions for the formation of civil subjectivity in Russian society.*

The methodological basis of the study is the provisions of the theory of the information society (D. Bell, E. Masuda), the activity approach to human subjectness (A. N. Leontiev, S. L. Rubinshtein, etc.), the concept of political subjectivity (I. G. Yakovenko).

Research results. *The shift of communication into the virtual space has transformed the social activity of people, which has mainly begun to be carried out in Internet communities that are formed on the basis of thematic interests and functional orientation (human rights, environmental, volunteer, etc.). These communities make it possible to express one's civic position, assess a political or other situation, and unite to achieve common goals. New information technologies have significantly transformed the format and content of social and political communication in society.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the conditions for the development of civic subjectivity in modern Russian society.*

Keywords: *civic subjectivity, information society, information person, civic culture, virtual communication, political traditions, desacralization of power*

For citation: *Shevchenko L. V. Development of civil subjectness in the conditions of the information society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 274–282. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-274-282>.*

Введение. Стремительное внедрение информационных технологий практически во все сферы общественной жизни способствовало появлению нового уровня информационного обмена, новых инструментов коммуникации между властью и обществом, возможностей проявления гражданской активности. Создание глобального информационного пространства не просто открыло людям доступ к мировым информационным ресурсам, но и приобщило их к иным культурным ценностям.

Формирование новой социальной реальности привело к появлению в научном дискурсе понятия «человек информационного общества». Спецификой этого человека стала его новая система ценностных приоритетов, среди которых ключевыми выступают ценности информации, свободы, творчества. Исследователи правомерно отмечают коррелят

между ключевыми характеристиками информационного пространства — глобальностью, трансграничностью и интернациональностью — и сущностными качествами современного человека — свободной, творческой индивидуальностью, имеющей космополитические ориентации [9].

Появление информационной среды открыло перед человеком широкий спектр возможностей (познавательных, образовательных, развлекательных и т.п.), выбор которых зависит исключительно от самого человека, от его предпочтений и личной активности. Это определяет научный интерес к исследованию влияния сети Интернет на развитие субъектности человека, в том числе и гражданской.

Методология и методы исследования. Методологической основой статьи являются

положения теории информационного общества (Д. Белл, Е. Масуда), пытающиеся понять современные технологические трансформации, которые принципиально меняют формы общественно-политической коммуникации [3; 24].

Теоретические основы анализа проблемы субъектности в российском научном знании были заложены советскими психологами, в частности А. Н. Леонтьевым, В. А. Петровским, С. Л. Рубинштейном и др. [10; 14; 16]. Авторы рассматривают субъектность с позиций деятельностного подхода, согласно которому совместная деятельность является способом раскрытия и реализации сущностных свойств человеком, его социального потенциала. Концептуальными для данного исследования выступают положения теории политической субъектности [5; 11; 19; 23].

Результаты. В научной литературе относительно понятия субъектности человека сложились различные интерпретации. Так философ-постмодернист М. Фуко дает собственное понимание сущности субъекта, не сводимое ни к его субстанциальности, ни к априорной форме существования в качестве разумного индивида. Субъект — есть результирующее тех или иных социальных практик, сущностью которых выступает либо подчинение, либо освобождение индивида [20].

Российские психологи интерпретируют человеческую субъектность, во-первых, как высокий уровень индивидуальной активности в сочетании с личностной целостностью и автономностью индивида, во-вторых, как способ самоорганизации и саморегуляции индивида при согласовании условий активности (внешних и внутренних) [15].

Проблема субъектности человека в политическом пространстве рассматривается в работах И. Н. Гомерова, С. Н. Першуткина, Т. Н. Самсоновой, И. Г. Яковенко и др. [5; 13; 17; 23]. Рассматривая субъектность сквозь призму политических коммуникаций в обществе, исследователи видят в ней прежде всего включенность человека в общественную деятельность [13]. В то же время анализ уровня сформированности индивидуальной и коллективной субъектности в политическом пространстве российского общества дает основание говорить о ее низком уровне, ко-

торый обусловлен как культурно-историческими факторами, определяющими отношения человека и власти, так и современной политикой государства, не ориентированной на выстраивание эффективных коммуникаций между властью и обществом.

С точки зрения И. Г. Яковенко, субъектность представляет собой качество личности, проявляющееся в независимости, самостоятельности и социальной активности, а политическая субъектность представляет её конкретизацию в определенной общественно значимой сфере [23], причем политическая субъектность предполагает не только включенность в политические процессы, но и делегирование человеком функций управления обществом государству. По мнению ученого, есть два типа человека: человек политический и человек дополитический. Особенностью человека первого типа является его умение разбираться в политических процессах и понимать законы политической жизни. Для человека второго типа власть представляет собой непроницаемую для разума «вещь в себе», обладающую священным ореолом и вызывающую лишь иррациональное чувство трепета [23].

В рамках данной классификации видно, к какому типу относится европейский человек, а к какому — русский.

Историческая практика и сегодняшняя социальная реальность показывают, что в России на протяжении всей ее истории «вариации» субъектности, прежде всего политико-административная и имущественная, были сосредоточены в руках действующей власти. Фактически власть представляла собой моно-субъект, аккумулирующий в себе все значимые формы активности, оставляя индивиду (и то крайне редко — прим. Л. В. Шевченко) лишь периферическое пространство личной и хозяйственной жизни. Подобная модель субъектности адекватна лишь традиционному обществу, в котором может существовать без всяких изменений на протяжении длительного времени, в то время как для модернизирующегося общества является не просто неэффективной, а контрпродуктивной [23].

В настоящее время в научном дискурсе рассматривается проблема гражданской субъектности. Данный аспект представлен в работах А. В. Алексеевой, С. Климовой, О. А. Ми-

рясовой, И. А. Симоновой, О. В. Кружковой и др. [1; 8; 11; 18]. В целом под гражданской субъектностью понимается социальная активность личности, целью которой выступают позитивные изменения условий социального бытия, соотносимые с представлением о должном [8].

В социально-философском смысле гражданская субъектность является сугубо коллективным явлением, поскольку объединяет людей на основе общей системы ценностей и ориентирует их деятельность на достижение блага для всего общества.

Подчеркивая культурные особенности гражданской культуры российского общества, ученые выделяют в ней два вектора гражданской субъектности:

— первый вектор ориентирован на социальную активность личности в русле западноевропейских ценностей, а именно: индивидуализма, рационализма, личной ответственности, приоритета права над моралью, гарантий частной собственности;

— второй вектор, свойственный традициям российского общества, направлен на поддержание коллективных ценностей, продвижение общественных идей, преобладанием морали над правом, доминирование общественного над личным, реализацию коллективной ответственности.

Очевидно, что различные ценностные установки общества определяют условия формирования гражданской культуры и уровень ее развития.

В настоящее время в российском обществе сложились условия для развития гражданской субъектности. Уровень развития цифровых технологий способствовал появлению новой формы организации социального пространства — виртуального пространства. Последнее, по мнению ученых, представляет собой самостоятельный мир, в котором присутствуют такие атрибуты автономности, как язык, специфические высокотехнологичные средства, особая модель близости между участниками социальной коммуникации [6]. Более того, виртуальное пространство формирует новый формат коммуникации — виртуальный. Появление виртуальной коммуникации стало одним из ключевых механизмов, определивших социокультурные трансформации современного общества. Данный факт

подчеркивает Ю. Хабермас, отмечая, что именно формы социальной коммуникации выступают показателями культурного и технологического развития общества [21].

Очевидно, что в настоящее время социальная коммуникация переносится преимущественно в виртуальное пространство, функционирующее на основе сети Интернет, выступающей в качестве технологической платформы, благодаря которой в коммуникацию вовлекается гигантская по численности аудитория, имеющая тенденцию к тотальности, а сама коммуникация — к глобальности [4].

Надо отметить, что с появлением виртуального пространства и виртуальной коммуникации формируется новая виртуальная культура, основными характеристиками которой являются: 1) интерактивность пользователей сети; 2) многовекторность деятельности; 3) свобода и творчество; 4) автономность времени и пространства; 5) субкультурный тип социального взаимодействия (появление виртуальных сообществ).

По мнению ученых, появление виртуальных сообществ принципиально трансформирует формат взаимодействия людей. Американский ученый Г. Рейнгольд определяет виртуальные сообщества как устойчивые объединения людей, технической базой взаимодействия которых выступает киберпространство, а основой социального объединения — длительность виртуальной коммуникации при обсуждении значимых вопросов и постепенно складывающаяся виртуальная сеть личных отношений [25]. В своих исследованиях он приходит к выводу о том, что развитие информационных технологий порождает образование новых массовых сообществ, которые начинают представлять собой «умную толпу». Если ранее мышление и поведение человека носило одномерный характер, поскольку регламентировалось общественными нормами и требованиями, то в условиях появления виртуальной реальности разрушаются прежние традиционные формы контроля. Это является следствием того, что в настоящее время информация распространяется беспрепятственно, само информационное пространство безгранично с точки зрения не только объема, но и вариативности наличествующей в нем информации, а сама информация представлена как ответ на за-

прос определенной аудитории с учетом её ценностно-мировоззренческих ориентаций [19]. Более того, потребителями этой информации являются преимущественно пользователи гаджетов, которые осуществляют ее самостоятельный выбор и сами определяют сферы для коммуникации.

По мнению исследователей, отсутствие прочной связи с той или иной общностью в сочетании с беспрепятственным доступом к информации является, на первый взгляд, очевидным источником демассификации индивидуально-личностного сознания. «Конструирование» собственного существования без оглядки на расхожие стереотипы и общепринятые стандарты открывает возможность проживать собственную, а не навязанную извне жизнь [19].

Действительно, развитие цифровых технологий формирует совершенно новую коммуникационную культуру, в которой человек — не только пассивный объект информационных воздействий, но и субъект информационного пространства, поскольку последнее открывает широкие возможности для многовекторного интерактивного общения в режиме реального времени.

Исследователи отмечают, что предшествующие этапы общественного развития ставили перед участниками коммуникации значительные преграды. Они могли быть вызваны самыми разнообразными причинами: во-первых, низким уровнем научно-технического развития, не позволявшим осуществлять опосредованное общение через персональные высокотехнологичные устройства; во-вторых, географическим фактором, чаще всего предполагающим физическую удаленность коммуницирующих субъектов; в-третьих, вариативными социально-дифференцирующими факторами (расовыми, этническими, сословными, классовыми, половозрастными, имущественными, образовательными и др.). Объективно существующие преграды преодолеваются в глобальном информационном пространстве, а опосредованная социальная коммуникация заметно демократизируется [22].

Очевидно, что смещение коммуникации в виртуальное пространство существенно трансформировало социальную активность людей. Последнее проявляется в появлении Интернет-сообществ, которые формируются

на основе тематических интересов и функциональной направленности (правозащитные, экологические, волонтерские и т.п.), причем данные сообщества формируются не просто для общения, а для того, чтобы выразить свою гражданскую позицию, дать оценку политической или иной ситуации, быть услышанными, найти единомышленников, объединиться для достижения общих целей.

Влияние технологического фактора на развитие гражданской культуры в обществе проявляется в таких практиках, как: а) сбор электронных подписей в поддержку или отказ от законодательных инициатив власти или муниципальных социальных проектов; б) информирование людей о проведении культурных и социально значимых мероприятий; в) уведомление и мобилизация для организации протестных акций и пр.

Современная виртуальная массмедийная среда создает информационные возможности для десакрализации политических лидеров и власти в целом. В условиях информационного общества процесс десакрализации власти осуществляется на основе массового распространения в Интернет-пространстве негативной информации о жизни и деятельности политических деятелей. Совершенствование информационных технологий открывает огромные возможности для манипуляции общественным сознанием. Сегодня достаточно распространенным явлением становится создание и распространение «фальшивых новостей» (fake news), которые представляют намеренное введение в заблуждение целевой аудитории СМИ и социальных сетей посредством сфабрикованной, а следовательно, недостоверной информации. Обычно цель «фейковой» информации — политическая выгода [12].

Такая ситуация связана с ужесточением политической конкуренции, борьбой за власть между различными политическими акторами, которые из физического мира переходят в виртуальную реальность. Появление сети Интернет позволило значительно расширить возможности осуществления информационно-психологических операций, направленных на формирование негативного образа политического соперника. Более того, если раньше негативная информация распространялась при помощи традиционных печатных

СМИ, то в настоящее время для десакрализации и делегитимации власти активно используются группы блогеров, распространяющих в сетях нужную информацию, причем, как отмечают специалисты, фальшивые новости предстают в различных модификациях. В современных информационных войнах активно используется как неполное, выборочное, фрагментарное освещение событий, так и настоящая «тяжелая артиллерия» — недостоверная вербальная информация и «постановочные» видеосюжеты [12].

Информация негативного характера по поводу тех или иных политических решений или сюжетов о личном обогащении государственных служащих инициирует рефлекссию по поводу деятельности политической власти, формируя критическое отношение к ней. В современном мире виртуальное пространство становится общественной площадкой, где пользователи Сети могут свободно высказывать свое мнение относительно политической жизни, значимых для общества решений власти, тем или иным образом критиковать действия государственных структур или публичные высказывания политиков [7].

Таким образом, современные информационные технологии позволяют не только конструировать положительный образ любого политического лидера или партии, но и демонизировать их. Эти процессы способствуют деформации гражданской культуры подданнического типа, длительное время доминирующей в российском обществе, обусловлены появлением в медиаиндустрии новых технологических возможностей для критики и дискредитации власти или отдельных ее представителей, что влечет за собой ее десакрализацию и, соответственно, изменяет тип гражданской культуры в обществе. Тем самым начинается процесс ослабления политических традиций, опирающихся на этатистский и патерналистский характер отношений человека и государства, свойственных российскому обществу.

Заключение. Тем самым можно заключить, что внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь влияет не только на сознание и поведение человека, но и на характер и направленность его отношений с властью. Инкорпорирование цифровых

технологий в сферу общественно-политических коммуникаций открыло новые способы взаимодействия общества и власти, что значительно усилило проявление гражданской активности, направленной как на решение социально значимых проблем общества, так на осуществление гражданского контроля над структурами политической власти.

Однако, несмотря на появление социальных сетей, онлайн-площадок для коммуникации, развитие гражданской культуры в российском обществе затруднено в силу политических традиций, долгое время определявших взаимоотношения между властью и обществом. Тем не менее цифровые технологии, изменив формы социального взаимодействия, кардинально преобразовали формат и содержание общественно-политической коммуникации в обществе.

Список источников

1. Алексеева А.В. Гражданская субъектность в России: опыт и проблемы формирования // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. С. 161–164.
2. Бектанова А.К. О роли менталитета в формировании гражданской культуры // Общество, философия, история, культура. 2018. №8. С. 58–61.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
4. Войскунский А. Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. №11. С. 97–112.
5. Гомеров И.Н. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2011. 883 с.
6. Касьянов В.В. Виртуальное пространство как новый — «старый» социокультурный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). С. 38–42.
7. Качалина С.А. Политическое участие граждан в интернет-пространстве // Вести научных достижений. 2020. №10. С. 27–30.
8. Климова С.Г. Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004 / Отв.

ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 273–290.

9. Курбатов В. И., Папа О. М. «Homo informaticus» — человек информационной эпохи: характерологические черты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №1. С. 46–51.

10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 303 с.

11. Мирясова О. А. Гражданская субъектность как предпосылка формирования политического поля // Политическая наука. 2018. №2. С. 93–111.

12. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.

13. Першуткин С. Н. Субъект и субъектность в контексте политических коммуникаций // Коммуникология. 2014. Т. 5. №3. С. 79–93.

14. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 509 с.

15. Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. 320 с.

16. Рубинштейн С. Л. Основы психологии. СПб.: Питер, 2010. 713 с.

17. Самсонова Т. Н. Особенности формирования политической субъектности современной российской молодежи в условиях глобализации // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций. Материалы XXV Всероссийских историко-педагогических чтений (г. Екатеринбург, 23–26 марта 2021 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2021. С. 129–135.

18. Симонова И. А., Кружкова О. В. К проблеме соотношения гражданской субъектности и исторической ответственности // Вестник Омского университета. 2016. №3. С. 27–32.

19. Тихонова И. Ю. «Умные толпы» как феномен информационного общества // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020. №2. С. 78–85.

20. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. 320 с.

21. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2000. 382 с.

22. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11(54). №2. С. 180–190.

23. Яковенко И. Г. Политическая субъектность масс: культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый Хронограф, 2009. 178 с.

24. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1983. 171 p.

25. Rheingold H. The Virtual Community. New York: Perennial, 1994. 447 p.

References

1. Alekseeva A. V. Grazhdanskaja sub'ektnost' v Rossii: opyt i problemy formirovaniya [Civil subjectivity in Russia: experience and problems of formation]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2010; (4): 161–164. (In Russ.).

2. Bektanova A. K. O roli mentaliteta v formirovanii grazhdanskoj kul'tury [On the role of mentality in the formation of civic culture]. *Obshhestvo, filosofija, istorija, kul'tura* [Society, philosophy, history, culture]. 2018; (8): 58–61. (In Russ.).

3. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 2004. 944 p. (In Russ.).

4. Vojskanskij A. Metafori Interneta [Metaphors of the Internet]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2001; (11): 97–112. (In Russ.).

5. Gomerov I. N. Politicheskaja sub'ektnost' v strukture politicheskikh otnoshenij: teorija i Rossijskie realii [Political subjectivity in the structure of political relations: theory and Russian realities]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 883 p. (In Russ.).

6. Kas'janov V. V. Virtual'noe prostranstvo kak novyj — «staryj» sociokul'turnyj fenomen [Virtual space as a new — «old» socio-cultural phenomenon]. *Uchenye zapiski Krymskogo*

federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. 2018; 4(70): 38–42. (In Russ.).

7. Kachalina S.A. Politicheskoe uchastie grazhdan v internet-prostranstve [Political participation of citizens in the Internet space]. *Vesti nauchnykh dostizhenij* [News of scientific achievements]. 2020; (10): 27–30. (In Russ.).

8. Klimova S.G. Profsojuzy kak forma sub'ektnosti naemnykh rabotnikov [Trade unions as a form of subjectivity of employees]. *Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik — 2004* [Reforming Russia: Yearbook — 2004]. Otv. red. L.M. Drobizheva [In L.M. Drobizheva (eds.)]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2004. P. 273–290. (In Russ.).

9. Kurbatov V.I., Papa O.M. «Homo informaticus» — chelovek informacionnoj jepohi: karakterologicheskie cherty [«Homo informaticus» — a man of the information age: characterological features]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2017; (1): 46–51. (In Russ.).

10. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Conscience. Personality]. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1977. 303 p. (In Russ.).

11. Mirjasova O.A. Grazhdanskaja sub'ektnost' kak predposylka formirovanija politicheskogo polja [Civil subjectivity as a prerequisite for the formation of a political field]. *Politicheskaja nauka* [Political science]. 2018; (2): 93–111. (In Russ.).

12. Novaja social'naja real'nost': sistemobrazujushhie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitiya. Rossiya v tehnosocial'nom prostranstve [New social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in the technosocial space]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2020. 208 p. (In Russ.).

13. Pershutkin S.N. Sub'ekt i sub'ektnost' v kontekste politicheskikh kommunikacij [Subject and subjectivity in the context of political communications]. *Kommunikologija* [Communicology]. 2014; 5(3): 79–93. (In Russ.).

14. Petrovskij V.A. Lichnost' v psihologii: paradigma sub'ektnosti [Personality in psychology: the paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks, 1996. 509 p. (In Russ.).

15. Problema sub'ekta v psihologicheskoy nauke [The problem of the subject in psychological science]. Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovej, V.N. Druzhinina [In A.V. Brushlinsky, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinina (eds.)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2000. 320 p. (In Russ.).

16. Rubinshtejn S.L. Osnovy psihologii [Fundamentals of psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2010. 713 p. (In Russ.).

17. Samsonova T.N. Osobennosti formirovanija politicheskoy sub'ektnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi v uslovijah globalizacii [Features of the formation of political subjectivity of modern Russian youth in the context of globalization]. *Istoricheskaja nauka i istoricheskoe obrazovanie v uslovijah global'nykh transformacij. Materialy XXV Vserossijskikh istoriko-pedagogicheskikh chtenij* (g. Ekaterinburg, 23–26 marta 2021 g.) [Historical science and historical education in the context of global transformations. Materials of the XXV All-Russian Historical and Pedagogical readings (Yekaterinburg, March 23–26, 2021)]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2021. P. 129–135. (In Russ.).

18. Simonova I.A., Kruzhkova O.V. K probleme sootnoshenija grazhdanskoy sub'ektnosti i istoricheskoy otvetstvennosti [On the problem of correlation of civil subjectivity and historical responsibility]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2016; (3): 27–32. (In Russ.).

19. Tihonova I. Ju. «Umnye tolpy» kak fenomen informacionnogo obshhestva [«Smart crowds» as a phenomenon of information society]. *Vestnik VGU. Serija: Filosofija* [Bulletin of the VSU. Series: Philosophy]. 2020; (2): 78–85. (In Russ.).

20. Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju [Intellectuals and Power: selected political articles, speeches and interviews]. Part 3. Moscow: Praxis, 2006. 320 p. (In Russ.).

21. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral consciousness and communicative action]. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 382 p. (In Russ.).

22. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Kommunikativnye i identifikacionnye transformacii kak sushhnostnye projavlenija cifrovoj kul'tury [Communicative and identification transformations as essential manifestations of digital

culture]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2022; (2): 180–190. (In Russ.).

23. Jakovenko I. G. Politicheskaja sub'ektnost' mass: kul'turologicheskij aspekt politicheskoi zhizni v Rossii [Political subjectivity of the masses: the culturological aspect of politi-

cal life in Russia]. Moscow: Novyj Hronograf, 2009. 178 p. (In Russ.).

24. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1983. 171 p.

25. Rheingold H. The Virtual Community. New York: Perennial, 1994. 447 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Лариса Владимировна — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Larisa V. Shevchenko — Postgraduate Student of the Department of Social and Human Sciences, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia
